

СЛОВО О ШОСТАКОВИЧЕ

ГОРЕСТНО и трудно искать слова, прощаясь с Дмитрием Дмитриевичем Шостаковичем. Его кончина — скорбнейшая дата в истории отечественной культуры. Потеря тяжка и невозполнима.

Музыка Шостаковича обогатила все, да, все жанры музыкального искусства.

Музыка Шостаковича — это мир глубоких и емких мыслей, мир удивительной гармонии сердца и ума.

Музыка Шостаковича — всегда гимн человеку, гимн вере в него, хвала его мудрости и доброте.

Музыка Шостаковича — это страстный протест против жестокости, насилия, несправедливости, мещанского благодушия.

Музыка Шостаковича — это исповедь великого художника, сильная своей откровенностью, беспощадной правдивостью.

Наконец, музыка Шостаковича — это летопись нашей жизни. Весь свой творческий путь Шостакович прошел вместе со своей страной, вместе с ней переживая радости и беды. Но он не был летописцем лишь внешних событий. Внутренняя, интеллектуальная жизнь советского народа — вот предмет его внимания, исследования и вдохновения. Именно позтому творчество его — бесценный документ эпохи.

Много, очень много создал Дмитрий Дмитриевич, трудясь до последних дней своей жизни. Можно сказать, что жизнь его была более полна трудами, чем днями.

Но многое, очень многое осталось неосуществленным. Как жаль, что он не успел довести до конца свой грандиозный и беспрецедентный в истории музыки замысел создания 24 струнных квартетов во всех 24 тональностях.

Шостакович был великим музыкантом. Но он был и великим человеком, ибо творческая и жизненная практика была для него нераздельна. Думая, как кратко и наиболее емко охарактеризовать его человеческий облик, я выбираю два слова: долг и совесть. Обязательность, отзывчивость, точность Дмитрия Дмитриевича были поистине беспримерны. Сколько доброго за свою жизнь он совершил, скольким людям помог в трудную минуту, сколько людей обязаны ему поддержкой, дружеским советом, напутствием!

Нежелание обидеть другого человека, ранить его неосторожным словом, действием сопровождало Дмитрия Дмитриевича на протяжении всей его жизни. Однако всегда за мягкостью, скромностью стояли огромная духовная, творческая воля, самодисциплина. Эти качества тоже, думается мне, неотъемле-

мая и чрезвычайно важная черта его неповторимого человеческого облика.

Восемь лет (со дня основания) Дмитрий Дмитриевич возглавлял Союз композиторов России. Деятельность его на этом посту тоже может служить примером и назиданием. Сколько внимания, долготерпения, доброты, ответственности, серьезности проявил он к своим коллегам, сколько прослушал их музыки, сколько дорог исколесил за эти годы!

Дмитрий Дмитриевич владел редким даром собирать вокруг себя людей, увлекать их силой собственного примера, будить творческую фантазию художественное воображение. И люди отвечали ему благодарной любовью, преклонением.

В нескольких последних своих сочинениях Шостакович обратился к извечной теме жизни и смерти, теме, к которой не раз обращались великие творцы прошлого. Одно из удивительных сочинений последних лет — цикл на тексты Микеланджело. Взгляд великого музыканта мудр и прост, речь спокойна, полна достоинства. Это взгляд философа, творца. Есть одна немаловажная деталь в этом сочинении, несущая глубокий смысл: в драматургии его большую роль играет одна из тем, написанная девятилетним мальчиком Дмитрием Шостаковичем [этот факт мне посчастливилось узнать от самого автора].

Думаю, что обращение Шостаковича к Микеланджело не случайно. Многие роднит Дмитрия Дмитриевича с великим живописцем и скульптором. Та же мощь художественных доказательств, фанатичная преданность искусству, грандиозность и масштаб творческих замыслов и свершений. И трудолюбие! Известна история росписи свода Сикстинской капеллы Микеланджело. Несколько лет, каждодневно, лежа под потолком, в полусвете, на грубо сбитых деревянных досках и видя пред собой лишь несколько метров пространства, Микеланджело истово трудился, непрестанно внутренне ощущая целое.

Так же и Шостакович — в осажденном холодном Ленинграде, на скудном голодном пайке, прерывая работу, лишь чтобы подняться во время воздушной тревоги на крышу дома, где он наравне со всеми нес дежурство, так же истово трудился над бессмертной Седьмой симфонией.

Творения Микеланджело, чье 500-летие со дня рождения мир отмечал в этом году, живут и сегодня.

Тот же удел ждет музыку Дмитрия Шостаковича.

Родион ЩЕДРИН

«**Я** НИКОГДА не смотрю фильмы, мне посвященные». — сказал Дмитрий Дмитриевич, когда я сообщил, что видел в телестудии новый фильм «Дмитрий Шостакович». Совсем, кажется, на днях он шел на телеэкране. С радостью и надеждой вглядывались мы в дорогие черты, мы были счастливы, что Шостакович выглядит хорошо, разговаривает с обычной для него горячностью, смеется, шутит... Хотели, изо всех сил хотели верить, что неутомимая болезнь отступила. Кто мог предположить, что это последние съемки Шостаковича?

Если бы картина «Дмитрий Шостакович» была только хроникальной лентой, зафиксировавшей несколько отдельных эпизодов творческой биографии композитора, то и тогда она стала бы драгоценной реликвией, уникальным историческим документом. Однако новый фильм — больше, чем просто хроника. В нем — попытка запечатлеть, создать на телеэкране целостный образ Шостаковича-композитора и — шире — советского музыкального деятеля, художника, по-прежнему молодого, пламенной души, активного, беспокойного.

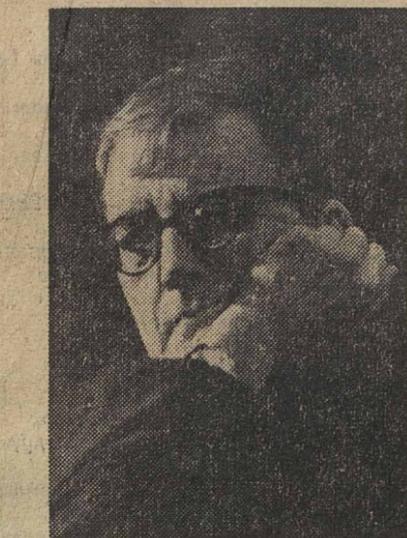
В фильме Дмитрия Шостаковича успели «снять» в разных «ракурсах». Вот он слушает музыку (а он замечательно слушал и слышал). Вот он перечисляет своих давних ленинградских консерваторских учеников — Свиридова, Вайнберга, Баснера, Тищенко, погибшего на фронте Флейшмана, так и не успевшего закончить свою оперу по чеховскому рассказу «Скрипка Ротшильда»: Шостакович счел своим долгом после войны довести эту работу до конца. Вот он рассказывает, как, будучи с делегацией советских композиторов в США, на встрече с американскими коллегами сел за рояль и сыграл скерцо из своей

Пятой симфонии (в собственном фортепианном переложении).

Обо всем Шостакович рассказывает без тени позы, удивительно скромно, свободно, как всегда, с жаром и душевной заинтересованностью. Перед нами человек, с головой ушедший в свою работу. И такое впечатление, что Шостакович, увлеченный делом, словно и не подозревает, что жадная кинокамера постоянно наблюдает за ним, преследует его, можно сказать, по пятам...

ЧАС И ВЕЧНОСТЬ

В своих воспоминаниях о прошлом с благодарным волнением Шостакович рассказывает о постановке оперы-сатиры «Нос», которую много лет назад в первый раз осуществил С. Самосуд. А ныне этот оперный перенец Шостаковича поставлен на сцене молодого Московского камерного музыкального театра. Шостакович очень высоко оценивал этот оперный спектакль, осуществленный режиссером Б. Покровским, спектакль, который блистательно продирижировал Геннадий Рождественский. Шостакович пришел на генеральную репетицию не просто как автор, зритель «со стороны» — он входит во все тонкости сценического и музыкального исполнения, горячо обсуждает детали сложной постановки. Сердце замирает, когда вспоминаешь эти лучшие кадры фильма, такие живые, правдивые. По улыбке, освещавшей лицо Шостаковича, можно было понять, какую радость доставляло ему это возрождение оперы, в

ся в комментариях. Современная молодежь сравнительно мало знакома — исключая Первую симфонию — с молодым Шостаковичем. Кроме того, долг и обязанность нашего телевидения — целиком снять весь спектакль «Нос», один из шедевров композитора. И еще. Пятнадцатый квартет идет в сопровождении вольно нафантазированных цветных «картин», которые, судя по всему, должны раскрыть содержание музыки. Мне кажется, что виды замерзшего, холодного Ленинграда, красные всполохи зимнего солнца «не ложатся» на музыку, не гармонируют с ней. Как найти зрительный эквивалент музыке Шостаковича? Как вообще передать философское величие этой музыки в кинематографе? Творчество Дмитрия Шостаковича — это океан, — как вместить его в «каплю» быстротечного, одночасового фильма?

Дать возможность увидеть (хотя бы на экране) композитора — значит приблизить его к широкой аудитории, помочь ей услышать, понять глубину его музыки.

По поводу нового фильма (реж. Ю. Белянкин, творческое кинообъединение «Экран») здесь хотелось бы сделать два замечания: опера «Нос» дана в нем в отрывках, короткими сценами и эпизодами. Некоторые из них, мне кажется, нуждаются

М. СОКОЛЬСКИЙ

155